7universum.com
UNIVERSUM:

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

UNIVERSUM: ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Научный журнал
Издается ежемесячно с ноября 2013 года
Является печатной версией сетевого журнала
Universum: филология и искусствоведение

Выпуск: 8(65)

Август 2019

Москва
2019

УДК 008+70/79+80/82
ББК 71+80/85
U55

Главный редактор:

Грудева Елена Валерьевна, д-р филол. наук;

Члены редакционной коллегии:

Бревнова Юлия Александровна, канд. культурологии;

Жукоцкая Зинаида Романовна, д-р культурологии;

Карпенко Виталий Евгеньевич, канд. филос. наук;

Купцова Ирина Александровна, д-р культурологии;

Лебедева Надежда Анатольевна, д-р филос. наук;

Чурилина Любовь Николаевна, д-р филол. наук;

Шаронова Елена Александровна, д-р филол. наук.

U55 Universum: филология и искусствоведение: научный журнал. – № 8(65).
М., Изд. «МЦНО», 2019. – 8 с. – Электрон. версия печ. публ. –
<http://7universum.com/ru/philology/archive/category/8-66>

ISSN (печ.версии): 2500-400X

ISSN (эл.версии): 2311-2859

DOI: 10.32743/UniPhil.2019.65.8

Учредитель и издатель: ООО «МЦНО»

ББК 71+80/85

© ООО «МЦНО», 2019 г.

Содержание	
Филологические науки	4
Литературоведение	4
Теория литературы. Текстология	4
АВТОРСКИЙ МИФ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	4
Пьянзина Вера Анатольевна	

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ

АВТОРСКИЙ МИФ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

*Пьянзина Вера Анатольевна**аспирант Карлова университета в Праге,
Чехия, г. Прага**E-mail: vera.pyanzina@gmail.com*

AUTHOR'S MYTH IN CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE

*Vera Pyanzina**Ph.D. student of Charles University in Prague,
Czech Republic, Prague*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблематике мифа и мифологизации в современной русской литературе. В центре внимания находится авторский миф как повествовательная стратегия литературы постмодерна. Анализируются такие категории дискурса, как рассказчик, перспектива и художественное время. Особое внимание уделяется проблеме памяти и истории и их роли в авторском мифе. Важной темой исследования является дуальность, свойственная произведениям данного жанра и проявляющаяся как в пространственных, так и во временных сдвигах. Анализ трех произведений современной литературы иллюстрирует характерные особенности этой повествовательной стратегии.

Специфическая художественная реальность, создаваемая авторским мифом, состоит из нескольких пространственно-временных пластов, и отдельное внимание уделяется механизмам перехода между этими пластами. Далее рассматривается отношение прошлого и настоящего и особенности их репрезентации.

Исследование показывает, что авторский миф создает специфическое пространство, которое объединяет в себе несколько периодов времени и рассматривается с разных перспектив. В результате чего образ реальности принимает мифологический характер.

ABSTRACT

The article concerns the issue of myth and mythologization in contemporary Russian literature. The focus of the article is the concept of the «author's myth» as a narrative strategy of postmodern literature. Considerable attention is paid to the issues of history and memory and their influence on the author's myth. An important topic of the research is the duality inherent in the texts of this genre, and manifested in both spatial and temporal shifts. The analysis of three modern novels illustrates the characteristic features of this narrative strategy.

The specific fiction reality created by the author's myth consists of several spatiotemporal layers with special attention being paid to the transition mechanisms between these layers. Further, the relationship between the past and the present and the features of their representation are considered.

The study has shown that within the author's myth a specific space is created which combines several periods of time and perspectives. As a result, the image of reality has a mythological character.

Ключевые слова: мифологизация, авторский миф, нарратология, история, память, современная литература, дуальность.

Keywords: mythologization, author's myth, narratology, history, memory, contemporary literature, duality.

Концепция авторского мифа тесно связана и в некоторой мере является логическим продолжением категории мифологического романа. Эту категорию подробно разобрал в своём труде «Поэтика мифа» Е.М. Мелетинский. Мифологизм представляет собой не только художественный прием, но и специфическое

мироощущение, передаваемое в произведении. В частности, особенно отмечает Мелетинский связь мифологизма и внутреннего психологизма героев [4, с. 265]. Уже в мифологическом романе происходит, например, выход за социально-исторические и пространственно-временные рамки, а мифологическое

бездвременно сливается с временем историческим. В то же время мифологизм становится инструментом структурирования повествования.

Авторский миф, так же, как и миф архаический, создает определенную картину мира. Современная литература часто обращается к реальным историческим событиям, а авторский миф вплетает отрывки реальности в контекст своего повествования. Так же происходит процесс мифологизации: мифологические элементы включаются в повествование при помощи структур «скелета» и «ткани» [12, с. 392]. Авторскому мифу присущи некоторые характерные особенности, заимствованные им из архаических мифов и переосмысленные под влиянием постмодерна [6, с. 10]. Чтобы продвинуться дальше в исследовании семантической и композиционной организации текста авторского мифа, необходимо подробнее изучить его структурно-смысловые компоненты.

В соответствии с теорией Сеймура Чатмана, каждое повествование представляет собой структуру с содержательным и выразительным планами, названными соответственно «история» и «дискурс» [10, с. 146]. Если «история» включает в себя события и героев, то под «дискурсом» подразумевается сам текст как совокупность высказываний, где высказывание представляет собой основной элемент повествования. Это в каком-то роде квинтэссенция конкретного выразительного метода. Таким образом, дискурс — это повествовательная стратегия, включающая в себя рассказчика, перспективу и так называемые речевые акты персонажей. В этой статье авторский миф будет рассмотрен именно как специфическая нарративная стратегия, а его особенности будут проиллюстрированы на примере нескольких произведений современной русской литературы.

Известный чешский литературовед Любомир Долежел утверждает, что «постмодерн не отвергает прошлое, но впитывает его в себя как один из полюсов своей парадигмы противоположностей. В рамках такой интеграции прошлое претерпевает различные обработки, переосмысления и реструктуризации» [11, с. 13]. В авторском мифе работа с прошлым происходит, в частности, с помощью категорий рассказчика и перспективы. Обе эти категории непостоянны. Часто рассказчиков оказывается несколько, при этом переход между их ролями иногда практически незаметен. То же происходит и с перспективой, или, используя терминологию Ж. Женетта, фокализацией. В авторском мифе нулевая, внутренняя и внешняя фокализации [8, с. 41-42] могут чередоваться — то, что начиналось как рассказ персонажа, может перейти в повествование всеведущего автора или, напротив, объективного нарратора. При этом перемена перспективы далеко не всегда связана с переменной рассказчика.

Хорошей иллюстрацией этих процессов является роман Леонида Цыпкина «Лето в Бадене» [7], который удивляет читателя своей разноплановостью и множеством возможных прочтений. В романе фигурирует несколько рассказчиков, история каждого из которых вплетается в общий контекст. Цыпкин создает специфическое художественное пространство,

в котором переплетается путешествие четы Достоевских по Европе, воспоминания о блокаде Ленинграда и советская действительность периода застоя. Рассказчики сменяют один другого иногда даже незаметно для читателя, и это расширяет возможности интерпретации текста. Путешествие автора из Москвы в Ленинград становится путешествием на стыке эпох.

В романе Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» [5] используется другой художественный прием: читатель не может определить, какая из двух сюжетных линий «настоящая», а какая — плод воображения героя. Сознание рассказчика перемещается между революционным Петербургом и перестроечной Москвой. Но герой путешествует не только в пространстве, но и во времени, а периодически оказывается даже в галлюцинациях своих соседей по палате. Реальность, таким образом, делается зыбкой, ускользает от читателя, наводя на мысль о своей относительности и об избыточности какой-либо конкретики.

Роман Евгения Водолазкина «Брисбен» [1] иллюстрирует еще один вид нарратива, включающий в себя как минимум двух рассказчиков. Один из них — главный герой, пишущий дневник. Это яркий пример фиксированной фокализации, когда читатель точно знает, кто является рассказчиком. Дневниковые заметки чередуются с текстом биографического характера, написанным в более отстраненной и объективной манере. В этих главах о главном герое говорится в третьем лице, что подразумевает смену рассказчика. Перемене рассказчика соответствует перемена перспективы, и если в начале книги дневниковые записи носят вспомогательный характер, то к концу текста именно они выходят на первый план, перекрывая по значимости биографические очерки. Как и в упомянутых двух книгах, в романе «Брисбен» читатель перемещается между несколькими географическими точками и временными потоками. В целом такую стратегию можно считать характерной для авторского мифа.

Повествование в авторском мифе часто размещается в нескольких плоскостях, в каждой из которых время течет линейно. Тем не менее между двумя линиями создаются связи, указывающие на возможность пересечения этих временных потоков. Так, в романе «Чапаев и Пустота» две сюжетно-временные линии объединяет главный герой, который в своем сознании перемещается между революционной и перестроечной Россией. В романе «Брисбен» оба временных потока четко обозначены — первый датируется в формате дневниковой записи с указанием конкретного дня, а второй охватывает годы. Хронологически эти два потока не соединяются, но из дневниковых записей ясно, что герой дает ряд интервью для биографической книги о себе, соответственно, в рамках художественного времени оба текста создаются практически одновременно. В «Лете в Бадене» пласты времени постоянно перемешиваются, перетекают один в другой. Здесь нет четких дат и все собы-

тия как бы происходят одновременно в каком-то общем временном континууме – так, как это обычно бывает в мифах архаических.

Поскольку история не является основной темой авторского мифа, то задачи осветить ее в тексте точно и объективно не стоит. История становится фоном для конкретных судеб героев и показана с их позиции. Используемые в текстах исторические события служат, в том числе, для создания специфического пространства, которое объединяет несколько периодов времени, втягивает в действие читателя и делает из него свидетеля не только перипетий сюжета, но и вершащейся истории. Эта связь выстраивается обычно через главного героя, который, находясь в своем временном потоке, перемещается и в другие, увлекая за собой читателя. Таким образом, возникает новая модель мира, которая не ограничена исторической хронологией и конкретной перспективой. Авторский миф ищет в истории вдохновение, использует ее в своих интересах, одновременно подвергая ее сомнениям, стирает границы между реальностью и фикцией. В то же время в авторском мифе не создаются новые модели прошлого, как это происходит в жанре альтернативной истории. Авторский миф работает с событиями, действительно состоявшимися или не противоречащими логическому ходу вещей. Любомир Долежел вводит понятие «исторических миров» [11, с. 55], которые представляют собой частичные модели прошлого, помогающие расширить границы его репрезентации. Также Долежел считает, что «оценка прошлого по стандартам настоящего является важной специфической чертой историографии постмодерна. Прошлое и настоящее являются отражением друг друга» [11, с. 73]. В этом и заключается особенность изображения истории в авторском мифе. Прошлое и настоящее имеют одинаковую ценность и практически сливаются в одно целое. Благодаря этому авторскому мифу удастся избавиться от исторического пафоса.

Здесь необходимо вспомнить утверждение Литотара о том, что постмодерн – это «недоверие к метарассказам» [2, с. 10]. Значимые исторические события как раз попадают в категорию метарассказов, поэтому в авторском мифе микрокосмос всегда выходит на передний план. Это может быть семейная сага, в которой жизнь нескольких поколений отражает историю целой страны, или эпизод из жизни одного человека, соединяющий всю картину мира.

В романе «Лето в Бадене» в центре повествования – фигура Федора Михайловича Достоевского. Но великий русский писатель представлен не как творец и гений эпохи, а как обычный человек. Мы видим Достоевского глазами его жены, Анны Григорьевны, и одновременно глазами автора. Рассказчик читает дневник Анны Григорьевны, и Достоевский представляется человеком со своими слабостями и страстями, иногда эгоистичным, а иногда нежным и заботливым. В то же время порой встречаются события, о которых Анна Григорьевна не могла знать, но описаны они вполне достоверно. В таких эпизодах четко прослеживается появление всеведущего автора.

Грань между макро- и микрокосмосом в авторском мифе очень тонка, это всегда балансирование между реальностью и фикцией. В повествовании реальность и фикция периодически меняются местами, и читатель практически неспособен определить, где начинается одно и заканчивается другое.

У Пелевина главный герой романа «Чапаев и Пустота» Петр перемещается между двумя своими жизнями – Москвой конца XX века и революционной Россией. В то же время как участник коллективной терапии в психиатрической больнице он попадает еще и в реальности, созданные другими пациентами, участвующими в лечебных сеансах. Основное действие происходит, тем не менее, в 1918-1919 годах и сосредоточено на взаимоотношениях поэта Петра Пустоты и Василия Чапаева, при этом Чапаев выступает в роли старшего товарища и учителя Петра. Именно эту жизнь Петр считает настоящей, а пребывание в сумасшедшем доме кажется ему лишь сном. Читатель же склонен считать большевистские видения Петра иллюзиями воспаленного сознания, а Чапаев пытается убедить младшего товарища в нереальности обоих миров.

С первых страниц романа «Брисбен» становится ясно, что главный герой – гитарист-виртуоз. Но повествование разделено на предысторию – более глобальную и основательную – и постисторию – заметки о «закате звезды», болезни и прекращении карьеры. Описание успеха и славы отсутствует, можно предположить, что этот период соответствует годам с 1998 по 2012, которые в книге не упоминаются. Именно этот временной разрыв создает ощущение перемещения из одной эпохи в другую, а чередование рассказчиков усиливает этот эффект. Биография рассказывает об истории, отражает в какой-то мере политическую и экономическую ситуацию вокруг главного героя, в то время как дневниковые записи сфокусированы на его личных наблюдениях и переживаниях.

У Цыпкина переход между реальностями связан в первую очередь со спецификой стилистики – в книге всего 11 абзацев и 34 точки. Переходы от рассказчика к рассказчику и тем самым от реальности к реальности происходят плавно, в соответствии с техникой потока сознания. Из курортного Бадена читатель переносится в блокадный Ленинград, или в вагон поезда, выехавшего из Москвы, или в ленинградскую коммунальную квартиру конца 60-х годов. На фоне исторических событий прорисовываются детали, черты характера героев и исторические факты, которые в то же время принадлежат к художественной реальности.

Можно сказать, что авторский миф обновляет известные архетипические образы при помощи «малых» сюжетов: включает мифологические мотивы в повествование о конкретных незначительных людях или показывает известных личностей с их «человеческой», обыденной стороны. Авторский миф сжимает историю мира до одной судьбы. Метарассказ не может показать реальность, поскольку сам ее создает. И только такой «малый» рассказ может хотя бы частично

ухватить многогранность человеческого существования. Поэтому для авторского мифа важна не достоверность фактов, а то, как они изображены. История часто становится тем самым мифологическим скелетом, фоном к индивидуальной линии и рассматривается с точки зрения судеб конкретных персонажей.

Характерной чертой авторского мифа является дуальное расслоение художественной реальности, которое присутствует во всех упомянутых романах. Дуализм присущ и другим жанрам, но в отличие от, например, магического реализма в авторском мифе используются наиболее «естественные» способы перехода из одной реальности в другую. Это может быть сон, галлюцинация, воспоминания или смерть. Как уже было сказано, основной задачей авторского мифа является создание своего собственного, специфического образа реальности. Дуальность этой реальности может быть иррациональная, как в романе «Чапаев и Пустота», где переход от реальности к реальности происходит посредством галлюцинации. Второй вид дуальности – рациональная, когда действие романа на первый взгляд является частью реальных исторических событий и переходы осуществляются более естественно – при помощи воспоминаний или снов. К этому типу относятся романы «Лето в Бадене» и «Брисбен».

Память и воспоминания играют в авторском мифе немаловажную роль. Процесс воспоминания и рассказывания воспоминаний часто становится нарративной основой текста, а в романах с рациональной дуальностью является главным механизмом перемещения между реальностями. Человеческая память представляет собой механизм сохранения и осмысления прошлого и тесно связана с вопросами выбора и интерпретации. Немецкий историк культуры Ян Ассман утверждает, что именно благодаря процессу ре-

актуализации, который представляет собой воспоминание, история превращается в миф [9, с. 50]. Таким образом, исторические события, о которых вспоминают герои, мифологизируются. С другой стороны, происходит переоценка исторических событий с точки зрения настоящего, во-первых, рассказчиком, а во-вторых, читателем. Этот процесс имел в виду Ю.М. Лотман, когда утверждал, что «смыслы в памяти культуры не «хранятся», а растут. Тексты, образующие «общую память» культурного коллектива, не только служат средством дешифровки текстов, циркулирующих в современно-синхронном срезе культуры, но и генерируют новые» [3, с. 202]. Именно таким «новым текстом» становится авторский миф.

Пространственно-временные сдвиги в авторском мифе происходят на уровне расслоения художественной реальности. Герои пребывают в нескольких (обычно в двух) измерениях, связанных между собой внутренней логикой повествования. Прошлое и настоящее существуют в авторском мифе параллельно, но по законам единого мифологического времени могут пересекаться. Часто именно этот момент является кульминацией повествования. Например, для Петра из романа «Чапаев и Пустота» этим становится купание в Урале, которое его врач называет «полным катарсисом».

Особенностью авторского мифа как нарративной стратегии является дуальность, проявляющаяся на структурно-повествовательном уровне. Чередование рассказчиков, изменение перспективы и различные механизмы перехода от одной художественной реальности к другой помогают объединить несколько временных периодов, рассмотрев их с различных позиций, благодаря чему исторические события переосмысливаются персонажами и читателем и приобретают мифологический характер.

Список литературы:

1. Водолазкин Е. Брисбен. – М.: Литагент АСТ, 2019. – 412 с.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Ин-т эксперимент. социол.; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
3. Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3-х т. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1. – С. 200-202.
4. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Мир, Академ. проект, 2012. – 336 с.
5. Пелевин В. Чапаев и Пустота. – М.: Эксмо, 2004. – 448 с.
6. Пьянзина В. Авторский миф как жанр современной литературы // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. – 2017. – № 9. – С. 9-11 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5111> (дата обращения: 09.08.2019).
7. Цыпкин Л. Лето в Бадене. – М.: Новое лит. обозрение, 2013. – 192 с.
8. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
9. Assman J. Kultura a paměť. Písmo, vzpomínka a politická identita v rozvinutých kulturách starověku. Praha: Prostor, 2001. 320 s.
10. Chatman S. Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film. Ithaca and London: Cornell University Press, 1980. 277 p.
11. Doležel L. Fikce a historie v období postmoderny. Praha: Academia, 2008. 155 s.
12. Hodrová D. Mýtus jako struktura románu. Meletinskij J.M. Poetika mýtu. Praha: Odeon, 1989. S. 384-395.

Научный журнал

**UNIVERSUM:
ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ**

№ 8(65)
Август 2019

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 – 66235 от 01.07.2016
Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 54436 от 17.06.2013

Подписано в печать 21.08.19. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 0,5. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, улица Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: mail@7universum.com
www.7universum.com

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3
16+